

© В. Мусси

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.06)

УДК 811.131.1

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИХ И ИТАЛЬЯНСКО-РУССКИХ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ (на материале энтомологической лексики)

В. Мусси (Милан, Италия)

Данная статья описывает характер и способы репрезентации вторичной номинации в русских и итальянских двуязычных лексикографических источниках. Языковой материал отражает национальную специфику видения мира. При изучении иностранной лексики зачастую ограничиваются поиском слов, эквивалентных в двух языках, однако такой подход содержит очень существенный изъян, создающий лишь иллюзию понимания того, что скрыто за словами. В данной статье на материале энтомологической лексики русского и итальянского языков рассматривается, как и в какой степени лексикографы фиксируют переносные значения слова в двуязычных словарях, а также какими способами передают эти значения средствами другого языка. В работе анализируются трудности, которые могут возникнуть при переводе национально-специфических метафорических и эмоционально-оценочных слов с использованием двуязычного словаря. Описание является двухступенчатым: сначала рассматриваются структурные элементы словарной статьи, а далее – способы представления метафорической семантики в переводе. Анализируя лексемы тематической группы энтомонимов, мы выявили общие тенденции, относящиеся к способам семантизации их метафорических значений, и выделили варианты передачи метафоры в другом языке.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, энтомологическая метафора, практика перевода, русский язык, итальянский язык.

Цель данной статьи – описать характер и способы репрезентации вторичной номинации в русских и итальянских двуязычных лексикографических источниках.

Решение поставленной задачи на материале двух языков актуально для сопоставительной лексикологии и двуязычной лексикографии. Как писал В. фон Гумбольдт, «<...>

нельзя в достаточной мере познать характер одной нации, не изучив одновременно и другие, находящиеся с нею в тесной связи, контрастные отличия которых, с одной стороны, собственно и сформировали этот характер, а, с другой стороны, единственно и позволяют полностью его понять <...>» [1, с. 319].

Мусси Вероника – доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет. Факультет иностранных языков и литературы, Миланский католический университет, Милан, Италия
E-mail: veromussi@gmail.com

Тематическая группа насекомых является активным источником метафор, малоизученным в обоих языках [2–6]. В научной литературе было опубликовано большое количество работ по семантике, прагматике и лексикографической интерпретации зооморфных метафор, в состав которых фрагментарно включались наименования насекомых. Однако специальное исследование метафорообразующего потенциала этой тематической группы и, в частности, сопоставительный анализ с итальянским языком еще не предпринимались.

Материалом для исследования послужили ведущие двуязычные словари русского и итальянского языков: «Новый большой итальянско-русский словарь» Г. Ф. Зорько, «Русско-итальянский словарь» Б. Н. Майзеля, Н. А. Скворцовой, «Большой словарь русско-итальянского/итальянско-русского языков» Ю. А. Добровольской и «Русско-итальянский/итальянско-русский словарь» В. И. Ковалева [7–10].

Мы не задаемся целью произвести оценку названных словарей или сопоставить их, но стремимся обрисовать общую картину и понять, какие способы представления метафорического значения в двуязычных словарях являются наиболее эффективными для использования в практике перевода или для изучения русского или итальянского языков как иностранных.

Анализ материалов толковых словарей русского и итальянского языков позволяет отметить, что при лексикографировании метафорической семантики используются все структурные элементы словарной статьи: пометы (*перен.*, *fig.*), семантизация, иллюстративный материал. Например, в русском словаре лексема *червь* интерпретируется «*перен.*, *чего*. В сочетании со словами, обозначающими какое-л. чувство, состояние и т. п., выражает постоянство и мучительность этого

чувства, состояния. *Гнетет нас тягота бесцельности существования и точит червь тоски* (Гл. Успенский, Из путевых заметок)» [12, т. 4, с. 662]; а в итальянском словаре слово *pidocchio* (*вошь*) – «*fig.* Очень скупой, малодушный человек, жмот: *quello e' un pidocchio, non tira fuori nemmeno una lira! (тот человек настоящая (вошь) жмот! Не даст даже копейки!)*» [13].

Толковые словари русского и итальянского языков при фиксации метафоры чаще всего прибегают к описательному способу (термин Д. И. Арбатского [14]). Например, *муравей* – «*перен.* очень трудолюбивый человек»; *саранча* – «*перен.* о том, кто надоедает, вызывает неудовольствие, раздражение», в то время как *vespa* (*оса*) – «*fig.* о раздражительном человеке»; *zanzara* (*комар*) – «*fig.* о назойливом, настойчивом человеке».

Синонимический способ толкования также частотен: *жук* – «плут, проныра»; *calabrone* (*шершень*) – «ухажер»; *cicala* (*цикада*) – «болтун».

Оптимальным, по нашему мнению, является совмещение обоих способов толкования, что характеризует итальянские лексикографические источники, в которых уровень детализации очень высок [15].

Однако метафорические значения энтонимов непоследовательно отражаются в толковых словарях обоих языков.

Метафора, как известно, играет основополагающую роль в изучении языковой картины мира. Если раньше метафора традиционно рассматривалась как стилистический троп или механизм развития полисемии в языковой системе, то в современной науке она исследуется в первую очередь как когнитивный инструмент, способный отражать образное освоение действительности и выявлять национальную специфику метафорической картины мира.

Метафора, относясь к выразительным средствам языка, наделяет экспрессивностью любой тип текста. Коннотативная сфера языка – это та часть языковой картины мира, которая содержит информацию об ассоциациях определенной культурной традиции, порождаемых в коллективном языковом сознании различными феноменами. Итак, переводчику приходится работать на уровне как понимания значения слова, так и способов представления метафорического значения слова, поскольку эти способы связаны с видением мира, которое иногда отличается в разных языках.

Рассмотрим случаи репрезентации метафорического значения в двуязычных лексикографических источниках.

Первый способ фиксации метафорического значения – дать соответствующий перевод и в скобках отметить, что данная лексема употребляется как в прямом, так и в ее переносном значении. Например:

пиявка – «*sanguisuga (anche fig. – также перен.)*» [9, с. 554];

паразит – «*прям. перен. parassita; средства против паразитов antiparassitari*» [9, с. 504];

libellula – «*(anche fig. – также перен.) стрекоза*» [9, с. 1702];

cavalletta – «*f. энт. саранча (также перен.)*» [7].

В данном случае прямая и вторичная номинации даются как один лексико-семантический вариант (далее – ЛСВ). Это самый простой случай, когда в двух языках существует полная эквивалентность слов.

Однако в анализируемых словарях вторичная номинация, чаще всего, представлена в виде отдельного ЛСВ. В данном случае слова снабжены стилистическими и терминологическими пометами: прямое значение лексемы дается с пометой *зоол.* или *биол.*, в то время как метафорическое значение представлено с

помощью помет *перен.*, *разг.*, *шутл.*, *прост.* Например:

трутень – «1. *зоол. pecchione, fuco*; 2. *перен. parassita, leccapiatti, mangiaminestra, mangiaufu*» [9, с. 858];

parassita – «1) *биол. паразит* 2) *перен. паразит, тунейдец [тунейдка], дармоед [дармоедка]*» [10];

zanzara – «1. (*zool. – зоол.*) комар; 2. (*fig. – перен.*) назойливый (надоедливый) тип» [9, с. 2403].

Иной способ фиксирования метафорического значения – а) сопровождение перевода пояснением, которое дается курсивом в скобках; или б) раскрытие метафоры через синонимическое переносное значение, которое также дается в скобках, в языке-источнике, до перевода слова. Приведем примеры:

а) *mignatta* – «1. (*zool. – зоол.*) пиявка f.; 2. (*persona invadente – назойливый человек*) приставала m., f. (*coll. – разг.*), (*fam. – прост.*) надоедала m., f.» [10];

б) *бабочка*: 1. «*farfalla*; 2. (*галстук*) (*cravatta*) *farfalla*» [9, с. 28], *calabrone* – 1. шмель m.; 2. (*spasimante – поклонник*) настойчивый ухажер m.; 3. (*scocciatore – зануда*) приставала m. (*fam. – прост.*), надоедала m. (*fam. – прост.*)» [10].

Кроме того, указание на непрямое значение может обозначаться как перенос наименования на другой вторичной объект, с уточнением в скобках (*о человеке, о девочке, о животном и т. п.*). Например:

стрекоза – «1. (*насекомое*) (*zool. – зоол.*) *libellula* ж., 2. (*о девочке*) *ragazzina* ж. *vispa* – живая девочка» [10];

тля – «1. (*паразит*) (*zool. – зоол.*) *àfide* ж., *pidòcchio* m. *delle piante*, 2. (*о человеке*) *nullità* ж., *идмо* m. *da pòco* – ничтожество» [10];

saltamartino – «1. (*insetto* – насекомое) кузнечик м., сверчок м.; 2. непоседа м., ф., егоза м., ф. (*о ребенке*)» [10].

Более частотны примеры, когда вторичная номинация представлена путем совмещения этих структурных элементов – помет и пояснения. Например:

тля – «1. (*parazit*) *afide*, *afidio*, *pidocchio delle piante* (*разг.*); 2. *прост.* (*ничтожный человек*) *uomo da poco*, *nullità*» [9, с. 841];

паразит – «1. (*biol.* – биол.) *parassita* м. ■ средства от паразитов – *antiparassitari* м. мн.; 2. (*тунядец*) *parassita* м. (*rif. a persona* – о человеке); 3. (*бран.*) *carogna* ж. (*come insulto* – как оскорбление)» [10];

pidocchio – «1. (*zool.* – зоол.) вошь; *pieno di pidocchi* – вшивый (*agg.* – прил.); *i bambini aveva i pidocchi* – дети завшивели; 2. (*bot.* – бот.) тля; 3. (*fig. taccagno* – перен. скупой человек) скряга, жмот, сквалыга, скупердяй ♦ *pidocchio rifatto* – разбогатевший выскочка» [9, с. 1938].

Реже встречаются случаи, когда совмещаются все структурные элементы, в том числе вводится иллюстративный материал. Например:

moscerino – «1. (*zool.* – зоол.) мушка; 2. (*fig.* – перен.) (*nanerottolo* – карлик) заморыш, шкет, шкетик; (*nullità* – ничтожество) козьявка, ничтожество; *non avrai paura di quel m.?* – надеюсь, ты не боишься этого заморыша!; *taci, m.!* – заткнись, козьявка!; *si sentiva un m. al suo confronto* – рядом с ним он чувствовал себя пигмеем» [9, с. 1814];

grillo – «1. (*zool.* – зоол.) сверчок; è il g. che canta это стрекочет сверчок; 2. (*fig.* – перен. *capriccio* – каприз) каприз, причуда, прихоть, дурь, (*colloq.* – разг.) заскок; *выкрутасы* – *gli è saltato il g. di andare in Yemen* – ему взбрело в голову прокатиться в Йемен; *ha troppi grilli per la testa* – он чудака (он человек

со странностями *colloq.* он с заскоком); *la signorina aveva strani grilli per la testa* – барышня была взбалмошная» [9, с. 1561].

Отметим, что тенденция сопровождать перевод пояснением характерна для словаря В. Ковалева, в то время как представление вторичной номинации с помощью помет или иллюстративного материала – это особенность словаря Ю. Добровольской, в котором примерам придается большое значение.

Проанализировав структурные элементы словарной статьи, далее сосредоточимся на переводных эквивалентах и рассмотрим, какой выбор авторы словарей сделали для перевода той или иной вторичной номинации.

Анализ нашего материала выявил пять вариантов передачи метафоры в другом языке.

1. Первый вариант представляет собой полное или частичное соответствие метафорического значения в обоих языках, когда то же самое метафорическое значение может выражаться и при помощи другого энтомонима, например: *гнида* – «1. *lendine*; 2. (*colloq.* – разг.) *verme* (червь), *pidocchio* (вошь)» [9, с. 122]; *клоп* – «1. *cimice*; 2. (*scherz.* – шутл.) *piccino* (малыш), *pulce* (блоха)» [9, с. 300].

2. Второй вариант заключается в выражении одного и того же образа словами разных тематических групп. Например, для перевода метафорического значения русского энтомонима *наук* («эксплуататор») предлагается итальянская вторичная номинация *vampiro* («вампир»). Ср.: *наук* – «1. *ragno*; 2. (*fig.* – перен.) *vampiro*» [9, с. 535].

Итальянская метафора *cicala* («болтун»), образующаяся на основе назойливого стреко- тания насекомого, в переводе на русский язык представлена в словаре Ю. Добровольской двумя другими метафорами. В их основе также лежит звуковая ассоциация (трещотка и

балаболка). Ср.: *cicala* – «1. (*zool.* – *зоол.*) цикада; 2. (*fig.* – *перен.*) болтуня, трещотка, балаболка» [9, с. 1237].

Лексеме *pulce* (блоха), которая имеет переносное значение «малыш», соответствует русский вариант *кроха* – метафора, также образованная на основе визуального признака «маленький размер». Ср.: *pulce* – «1. (*zool.* – *зоол.*) блоха; *di* (*della*) *p.* блошиный (*agg.* – *прил.*) 2. (*fig. piccoletto* – *перен. малыш*) кроха (*m. e f.*), малышка (*m. e f.*)» [9, с. 2003].

3. Третий вариант предлагается в языке перевода, когда предложенное слово, не будучи метафорой, сохраняет стилистическую окраску метафоры языка-источника. Например, переносное значение русского энтонома *клоп* (перен. шутил.) передается в итальянском языке прямой номинацией *marmocchio* (малыш), также имеющей оттенок шутовости. Ср.: *клоп* – «1. *simice*; травяной к. *pentatoma*; 2. *перен. шутил. marmocchio*» [9, с. 290].

Аналогично русской метафоре *трутень* («беспечный человек, живущий за чужой счет; тот, кто потребляет, но не производит») соответствует разговорный просторечный итальянский вариант *scroccone* («дармоед»).

4. В этом варианте представления метафоры в словарной статье заключается в том, что в ней описательно толкуется, объясняется смысл, выраженный метафорой. Например:

головастик – «1. (*личинка*) (*zool.* – *зоол.*) *girino*; 2. (*coll.* – *разг., scherz.* – *шутл.*) *persóna* ж. *con la tèsta ròssa* (человек, с большой головой), *сарóне* м.; 3. (*животное*) (*coll.* – *разг., scherz.* – *шутл.*) *animale* м. *con la tèsta gròssa* (животное с большой головой)» [10];

zanzara – «1. (*zool.* – *зоол.*) комар; *di z.* комариный (*agg.* – *прил.*); *il ronzió della z.* – комариный писк; *è stato punto da una z.* его – укусил комар; *crema anti-zanzare* – средство

от комаров; 2. (*fig.* – *перен.*) назойливый (надоедливый) тип» [9, с. 2403].

5. В последнем варианте в словарную статью добавляется экстралингвистический, часто культурологический комментарий, касающийся той или иной реалии, к которой отсылает иностранный язык. Например:

lucciola – «1. (*zool.* – *зоол.*) светлячок м.; 2. (*maschera* – *маска*) служительница ф. (*в зрительном зале, провожающая зрителей к их местам после того, как погас свет*)» [10];

maggiolino – «(*zool., зоол.*) майский жук м.; (*mobile* – *мебель*) мебель ф. в стиле Маджоллини (*с тончайшей инкрустацией*)» [10];

maggiolino – «майский жук ♦ *il maggiolino* (*auto* – *машина*) малолитражка «маджолино» («жучок») немецкой фирмы Фольксваген» [9, с. 1730].

Итак, по результатам нашего анализа, основная тенденция лексикографической интерпретации в словаре Ю. Добровольской является скорее прагматической, чем аналитической, в то время как словарь В. Ковалева представляется более аналитическим. Сравним в словарях В. Ковалева и Ю. Добровольской, например, толкование энтонома *cavalletta*:

«1. (*insetto* – *насекомое*) саранча ф.; 2. (*persona avidainsetto* – *жаждущий человек*) жадный человек м.; 3. (*persona invadenteinsetto* – *вторгающийся человек*) нахал м.» [10];

«(*zool. e fig. insetto* – *зоол. и перен.*) саранча ♦ *sono peggio delle cavallette!* От них нет спасенья! (они прожорливы, как саранча)» [9, с. 710].

Синтетичность соответствует основной цели словаря Ю. Добровольской – предоставить пользователям эффективный инструмент для перевода. Ю. Добровольская в предисловии к словарю акцентирует внимание на своем богатом опыте переводчика и преподавателя русского языка для итальянцев: «Как профес-

сиональному переводчику, мне хотелось протянуть руку помощи, прежде всего коллегам. Отсюда – стремление охватить все стилистические слои, не ограничиваться нейтральным литературным языком, общеупотребительной разговорной лексикой, дать побольше фразеологии, побольше реалий (якобы непереводаемых слов и выражений), не пренебрегать неологизмами, жаргонными словами и даже сквернословием, заполнившим современный язык» [9, с. VI].

И действительно, в ее словаре наблюдается постоянная склонность к поиску эффективных эквивалентов, которые отражали бы актуальное употребление тех или иных лексем в современном русском или итальянском языках, различных переносных значений (ироничных, шуточных и т. д.), стилевых соответствий и т. д. [16–17].

Однако, если по отношению к процессу лексикографирования слов в двуязычном словаре стремление к синтетичности, лаконичности является безусловным достоинством, то, по нашему мнению, при репрезентации метафорического значения это не всегда оказывается полезным.

Рассмотрим ряд примеров.

1. Русский энтоним *божья коровка* имеет переносное значение – «о безобидном, тихом человеке, не умеющем постоять за себя» [11, т. 1, с. 103].

Исходя из этого толкования слова и анализа контекстов (например: *В ее произведении Чернышевский – безвольный робкий человек, который, что называется, и мухи не обидит, такая божья коровка.* (Н. Катерли. Сквозь сумрак бытия // Звезда. 2002); *Ты, Мишка, хитрый, да и ведь и она не божья коровка.* (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // Октябрь. 2002)), мы смогли вы-

явить основные семы, составляющие переносное значение энтонима: ‘безобидный’, ‘тихий’, ‘беспомощный’, ‘безвольный’, ‘робкий’, ‘простодушный’ человек.

В словаре Ю. Добровольской лексема *божья коровка* переводится как «(a) *coccinella* (b) *uno sprovveduto*» [9, с. 47].

Далее рассмотрим толкование итальянской лексемы *sprovveduto* и контексты с ней: «**1a** прил., сущ., ед. ч., м. р. тот, кто не имеет опыта, подготовки или необходимых качеств, для того чтобы преодолеть определенные ситуации или проблемы (*un pubblico sprovveduto, che non apprezza il teatro d'avanguardia* (неподготовленная публика, которая не ценит авангардистский театр); *uno s. che non è in grado di mandare avanti il lavoro* (неподготовленный / неопытный человек, который не может продолжить работу)); **1b** прил., ед. ч., м. р. наивный человек, которому не хватает хитрости (*un bravo ragazzo, ma troppo sprovveduto – молодец, но слишком наивный*)» [13].

Исходя из толкования и опираясь на контексты, можно также выявить основные семы, присущие лексико-семантическому варианту слова *sprovveduto*: ‘неопытный’, ‘неподготовленный’, ‘неумелый’, ‘наивный’, ‘простак/простофиля’.

Оказывается, что вариант, предложенный Ю. Добровольской, во-первых, частично пересекается только с частью лексического значения русской метафоры и, во-вторых, имеет и другую семантику, не относящуюся к русскому энтониму.

2. Русский энтоним *стрекоза* имеет лексико-семантические варианты: «*ж* 1. хищное насекомое с длинным тонким телом и двумя парами прозрачных крыльев, производящих при полете характерный шум; 2. разг. о живой, подвижной девочке, девушке» [12, т. 4, с. 285].

В словаре Ю. Добровольской предлагаются следующие переводы: «1. стрекоза; цикада; 2. (*colloq.*) живая Тереза» [9, с. 790].

Первый вопрос, который возникает при анализе словарной статьи, связан с переводом прямого значения этой лексемы. Слово *стрекоза* может быть переведено как *libellula* и как *cicala* («цикада»). Видимо, автор, стремясь передать при переводе как можно более адекватный и используемый вариант, смешивает семантический план с культурным. Двусмысленность, возможно, вызвана тем фактом, что басня Эзопа трансформировалась у более поздних авторов. В европейской традиции муравью противопоставляется образ *цикады*, а в русской – образ *стрекозы*. На наш взгляд, только в этом случае русской лексеме *стрекоза* может соответствовать в итальянском переводе слово *cicala* («цикада»). Следовательно, остается неясной мотивация перевода, предложенного Ю. Добровольской: он может только «запутать» пользователя.

Кроме того, в качестве перевода метафоры *стрекоза* Ю. Добровольская предлагает вариант *живая Тереза*. В итальянском языке он употребляется для шутивной характеристики девочки или молодой женщины наивной внешности, шаловливой, немного рассеянной, но приятной.

И в этом случае вариант, предложенный Ю. Добровольской, по нашему мнению, является неполным. Прежде всего, в русском языке лексическое значение выражает ядерную сему ‘подвижность’, в отличие от лексико-семантического варианта *живая Тереза*, где ядерными являются семы ‘шаловливая’ и ‘живая’. Кроме того, в русском языке представление о физической легкости ассоциируется с легкомысленным характером и/или поведением. Например: *Маня... Легкомысленная ты стрекоза... Теперь возьми себя в руки и будь холодна со*

Штейнбахом! (А. Н. Вербицкая. Ключи счастья). Это представление в итальянском языке было бы лучше выразить при помощи более подходящей метафоры от энтомонима *farfallina* («маленькая бабочка»).

Итак, выбранный В. Ковалевым принцип аналитичности, при котором в словарной статье, кроме перевода, в скобках представлено объяснение производного значения, оказывается более эффективным для переводчика, предоставляя ему информацию об оттенках переносного значения и давая возможность сделать адекватный выбор.

В отличие от словаря В. Ковалева, словарь Ю. Добровольской, является более удобным и продуктивным с точки зрения подачи иллюстративного материала, поскольку предлагает пользователю информацию не только о лексическом значении слова, но и о его синтаксическом и стилистическом употреблении. Однако при обращении к данному словарю создается впечатление, что его составитель уже совершил выбор за пользователя, вместо того чтобы предоставить ему все необходимые элементы для самостоятельного выбора.

Подведем итоги.

Состояние двуязычных словарей отражает и состояние одноязычных словарей: они в плане фиксации метафорических значений оказываются недостаточными и непоследовательными. Анализ энтомонимов, обладающих переносными значениями, показал, что в исследованных словарях: а) отсутствует единый критерий определения помет, указывающих на переносное значение или оттенок значения; б) семантическая структура слова представлена различными способами: одни и те же лексико-семантические варианты энтомонимов могут быть квалифицированы как переносные значения, оттенки значения или не указываться вообще.

По этой причине в практике перевода словарных источников недостаточно и полезно

обращаться к корпусам, которые позволяют исследователю выявить наиболее полно и последовательно метафорическую семантику слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Изд-во ОАО ИГ "Прогресс", 2000. – 400 с.
2. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках // *Образы Италии в русской словесности XVIII–XX веков.* – Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2009. С. 261–270.
3. Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю. Механизмы метафоризации энтомонимов в русском и итальянском языках // *Рассуждения о языке и тексте: Ars philologica: межвуз. сб. науч. тр.* – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. – С. 34–50.
4. Мусси В. Наименования насекомых в процессах семантической деривации (на материале русского и итальянского языков) // *Сибирский филологический журнал.* – 2011. – № 3. – С. 144–151.
5. Мусси В. Глагольная метафора в русском и итальянском языках (на материале русских и итальянских глаголов с «энтомологическим» значением) // *Сибирский филологический журнал.* – 2012. – № 3. – С. 167–176.
6. Мусси В. Семантическая и словообразовательная деривация энтомологической лексики (на материале русского и итальянского языков) // *Вестник Томск. гос. ун-та.* – 2014. – № 378. – С. 38–44.
7. Зорько Г. Ф. Новый большой итальянско-русский словарь [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык-Медиа, 2004. – Режим доступа: http://lingvo.mail.ru/?lang_id=1040 (дата обращения: 15.09.2014).
8. Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Русско-итальянский словарь. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 1032 с.
9. Dobrovolskaja Ju. Grande dizionario russo-italiano/italiano-russo. – Milano: Hoepli, 2001. – 2423 с.
10. Kovalev V. Dizionario russo-italiano/italiano-russo [Электронный ресурс]. – Bologna: Zanichelli ed., 2014. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.
11. Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. – 696 с.
12. Толковый словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1999. Т. 4. – 800 с.
13. De Mauro T. Il grande dizionario italiano dell'uso in 6 vol. [Электронный ресурс]. – Torino: UTET, 1999–2000. – 1 CD-ROM. – Загл. с этикетки диска.
14. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слов // *Русский язык в школе.* – 1970. – № 3. – С. 26–31.
15. Гарбуйо И. Фитометафоры в русском и итальянском языках: лексикографический и лингвокультурологический аспекты // *Вестник Челябинск. гос. ун-та.* – 2014 – № 7. – С. 96–100.
16. Ремонато И. Русско-итальянский/итальянско-русский двуязычный словарь в современной лексикографии: сравнительный анализ последних изданий // *Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern: Internationale Fachtagung, Magdeburg, 18–22.5.2005 (Международн. науч. конф. «Русский язык в двуязычных словарях»)* / Renate Belentschikow (Hrsg.). – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Wien, Lang, 2006. – Pp. 181–202.
17. Ghrebezza E., Ziffer G. Russo e italiano a confronto. Leggendo il nuovo Kovalev // *Russica romana.* – Pisa, Roma: Fabrizio Serra Editore, 2010. – № XVI. – Pp. 95–111.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.06)

Mussi Veronica, Associate Professor of the Theory of Language and Intercultural Communication Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. Catholic University of the Sacred Heart, Milan, Italy.
E-mail: veromussi@gmail.com

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF FIGURATIVE SENSE IN RUSSIAN TO ITALIAN AND ITALIAN TO RUSSIAN DICTIONARIES (as exemplified in entomological lexis)

Abstract

Language material reflects national specificity of worldview. Studying foreign vocabulary often comes to looking for words with equivalent meaning. However such an approach is significantly insufficient, as it does not allow to comprehend the precise meaning of the words, making an illusion of understanding. Using Russian and Italian entomological vocabulary, this article analyses the marking of figurative sense in bilingual dictionaries and the ways to convey it by means of another language. The article also examines the difficulties that can occur, if a bilingual dictionary is used while translating metaphorical and emotive words with national specificity. The examination is two-stage, initially describing the structure elements of a dictionary entry and then the ways of translating metaphorical semantics. Analyzing entomological lexemes, we have revealed some general tendencies of semantization of their figurative meanings and the methods of rendering metaphors into another language.

Keywords

Language picture of the world, bilingual lexicography, entomological metaphor, translation practice, Russian language, Italian language.

REFERENCES

1. Humboldt V. *Selected works of linguistics*. Moscow, 2000, 400 p. (In Russian)
2. Buligina E. Ju., Tripol'skaja T. A. National-cultural component in the semantics of insects names in Russian and Italian languages. *Image of Italy in the Russian literature in the XVIII–XX centuries*. Tomsk, 2009, pp. 261–270. (In Russian)
3. Tripol'skaja T.A., Buligina E. Ju. Mechanisms of metaphORIZATION of entomonims in Russian and Italian languages. *Debate on language and text: Ars philologica: collection of scientific works*. Novosibirsk, 2008, pp. 34–50. (In Russian)
4. Mussi V. Insects names in the processes of semantic derivation (based on Russian and Italian languages). *Siberian Philological Journal*. 2011, no. 3, pp. 144–151. (In Russian)
5. Mussi V. Verbal metaphor in Russian and Italian language (based on Russian and Italian verbs with “entomological” meaning). *Siberian Philological Journal*. 2012, no. 3, pp. 167–176. (In Russian)
6. Mussi V. Semantic and word-formative derivation of entomological lexicon (based on Russian and Italian languages). *Tomsk State University Journal*. 2014, no. 378, pp. 38–44. (In Russian)
7. Zor'ko G. F. *New big Italian-Russian dictionary*. Moscow, Russkiy yazyk-Media Publ., 2004. Available at: http://lingvo.mail.ru/?lang_id=1040 (accessed 15.09.2014) (In Russian and Italian)

8. Majzel' B. N., Skvorcova N. A. *Russian-Italian dictionary*. Moscow, Soveckaya e'nciklopediya Publ., 1972, 1032 p. (In Russian and Italian)
9. Dobrovolskaja Ju. *Big Russian-Italian/Italian-Russian dictionary*. Milano, Hoepli Publ., 2001, 2423 p. (In Russian and Italian)
10. Kovalev V. *Russian-Italian/Italian-Russian dictionary*. Bologna, Zanichelli ed. Publ., 2014. (CD-ROM). (In Russian and Italian)
11. *Defining Russian language dictionary*. In 4 vol. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. 1, 696 p. (In Russian)
12. *Defining Russian language dictionary*. In 4 vol. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. 2, 800 p. (In Russian)
13. De Mauro T. *Big Italian dictionary of use in 6 vol*. Torino, UTET Publ., 1999–2000 (CD-ROM). (In Italian)
14. Arbatskij D. I. Basic methods of defining the meaning of words. *Russian language in the school*. 1970, no. 3, pp. 26–31. (In Russian)
15. Garbujo I. Phytometaphors in Russian and Italian languages: lexicographical and linguo-cultural aspects. *Čeljabinsk State University Journal*. 2014, no. 7, pp. 96–100. (In Russian)
16. Remonato I. Russian to Italian and Italian to Russian bilingual dictionaries in modern lexicography: comparative analysis of latest publications. *Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern: Internationale Fachtagung*. Magdeburg, 18–22.5.2005.: International scientific conference “Russian language in bilingual dictionaries”. Ed. Renate Belentschikow. Frankfurt on the Main, Berlin, Brussels, New York, Vienna, Lang, 2006, pp. 181–202. (In Russian)
17. Gherebezza E., Ziffer G. Comparing Russian and Italian languages. Reading the new Kovalev. *Russica romana*. Pisa, Roma, Fabrizio Serra Editore Publ., 2010, no. XVI, pp. 95–111. (In Italian)